

Цзун Тинлин глянул на жалкий вид Тун Цзыгэ, и уголки его губ чуть приподнялись, тронутые едва заметной, неопределенной улыбкой. В этой улыбке не было ни капли жалости — лишь почти жестокое удовлетворение.

Вода из горячего источника мгновенно окутала их, горячие потоки заструились между их телами.

Тун Цзыгэ крепко зажмурил глаза; он отчетливо чувствовал, как крепкая и раскаленная кожа Цзун Тинлина плотно прижимается к его собственной, и каждое касание казалось языком пламени.

Огонь разливался по коже, стремительно охватывая все его тело, отчего ему казалось, будто он сам угодил в плавильную печь.

От этой близости тел Тун Цзыгэ испытывал жгучий стыд; его тело невольно задрожало, и он попытался вырваться из объятий Цзун Тинлина.

Однако руки Цзун Тинлина, словно железные клещи, накрепко стиснули его, не оставляя ни малейшего шанса на побег.

В воде их пряди волос переплелись, точно отражая эту запутанную и безвыходную ситуацию.

Уголки глаз Тун Цзыгэ постепенно окрасились в манящий алый цвет — этот оттенок был ярок, как вечерняя заря, но в то же время пронизан бесконечной хрупкостью и щемящей красотой.

Несколько чистых капель слез замерли на его ресницах, словно капли росы, перекатывающиеся по листу лотоса.

В конце концов они застряли на его длинных, загнутых вверх ресницах, едва держась там — стоило лишь дуновению легкого ветерка сорвать их вниз.

Обнимая Тун Цзыгэ, Цзун Тинлин поначалу испытывал лишь желание подразнить его и проявить свое превосходство.

Однако, увидев Тун Цзыгэ в таком виде, он на мгновение даже опешил.

Он бережно стер с глаз Тун Цзыгэ слезы, двигаясь так осторожно, словно боялся причинить ему боль.

Кончик пальца скользнул по коже Тун Цзыгэ, оставив легкий холодок — в отличие от жара целебных вод, он заставил тело Тун Цзыгэ едва заметно вздрогнуть.

В этот короткий миг время словно застыло.

Клубы пара по-прежнему вились вокруг них, все стихло, и в воздухе эхом отдавались лишь не успевшее выровняться дыхание и всхлипывания Тун Цзыгэ.

Цзун Тинлин легко провел пальцами по щеке Тун Цзыгэ, слегка нахмурился, но в его глазах уже не было прежней резкости, а голос прозвучал низко и мягко:

— Почему ты вечно так любишь плавать в слезах? Ведь все это — твой собственный выбор.

Ты сам решил войти во дворцы, решил оказаться рядом со мной, разве нет? К тому же — в таком ошеломляющем обличье, выдавая себя за женщину ради подставного замужества.

Он замолчал и пристально заглянул в глаза Тун Цзыгэ:

— Я-то думал, у тебя есть хоть капля смеха, а теперь погляди на себя...

Тун Цзыгэ чуть подрагивал, в его глазах мерцали слезы. Услышав слова Цзун Тинлина, он медленно поднял голову и встретился с ним взглядом.

Во взоре юноши читались безграничная обида и беспомощность, а голос звучал срывающееся, но твердо:

— Если бы я не пришел, мою старшую сестру ждала бы смертная казнь. У меня... у меня не было другого выхода.

— Ради близких? А ты, оказывается, человек глубокой привязанности. — В тоне Цзун Тинлина все еще слышалась легкая насмешка, но прежнего холода уже не осталось.

Цзун Тинлин чуть прищурился, в его глазах мелькнул опасный огонек, и низкий, бархатный голос раскатился над клубящейся водной гладью:

— Я слышал... среди новых наложниц кое-кто донимал тебя. Эти смертницы потеряли страх, раз смеют задевать моих людей. Хочешь, я помогу тебе прикончить ее?

Услышав это, Тун Цзыгэ испуганно вздрогнул, а его тело затряслось в мелкой дрожи.

Он вытаращил глаза, в ужасе уставившись на Цзун Тинлина, и заговорил осипшим от страха голосом:

— Что?

Он никак не ожидал, что Цзун Тинлин вдруг произнесет такое — как можно так легко лишать человека жизни из-за пары злых слов?

Глядя на перепуганного Тун Цзыгэ, Цзун Тинлин тронул уголки губ насмешливой улыбкой, но в глазах веселья не было:

— Убить ее, чтобы ты успокоился. Как тебе идея?

Его тон был настолько легким, будто они обсуждали пустяковое дело, словно человеческая жизнь в его глазах стоила не больше букашки, которую можно растоптать в любой момент.

Тун Цзыгэ побелел от страха, отчаянно затряс головой и залепетал:

— Нет, нет, Ваше Величество, она просто бросила пару слов... она не заслуживает смерти...

В его воображении промелькнуло лицо той наложницы: пусть ее язык и был ядовит, все это сказано сгоряча, и до смертной казни здесь явно было далеко.

Он не мог даже представить, что из-за него оборвется чья-то жизнь — какое же тогда чувство вины и самобичевания поглотило бы его целиком?

Цзун Тинлин приподнял бровь, в его взгляде проскользнуло едва заметное недовольство, и он легко фыркнул:

— Ну и что ты предлагаешь? Теперь ты моя любимая супруга, и я даю тебе это право. — Его взгляд в упор следил за Тун Цзыгэ, словно проверяя его на прочность или ожидая занимательного представления.

Тун Цзыгэ чувствовал себя так, будто его жарили на огне; тело продолжало дрожать, а губы подрагивали от напряжения. Собравшись с силами, он попытался взять себя в руки, обдумал ответ и запинаясь произнес:

— Ваше Величество... Ваша наложница... Ваша наложница считает, что достаточно будет лишь легкого наказания.

Например... например, запретить ей выходить из покоев на несколько дней, или... или урезать жалование... Умоляю, Ваше Величество, не отнимайте ни у кого жизнь.

Уголки губ Цзун Тинлина скривились в холодной усмешке, в которой не было ни тепла, ни участия — лишь сплошная издевка:

— Посмотри на себя: прозябаешь во дворце в таком жалком виде, а еще находишь силы заступаться за других.

Думаешь, ты в каком-то благотворительном приюте за стенами дворца? Здесь доброта станет твоей главной и смертельной слабостью.

С этими словами он протянул руку, легко подхватил Тун Цзыгэ и широким шагом направился к выходу из купальни.

Он махнул рукой слугам, и те мгновенно все поняли, почтительно выстроившись в стороне.

Тун Цзыгэ испугался выходки Цзун Тинлина и инстинктивно сжался в комок, присел на корточки, словно напуганный зверек, и крепко обхватил себя руками.

В его глазах плескались страх и тревога, мокрые пряди прилипали к бледным щекам, а капли воды то и дело срывались с кончиков волос, падая на пол.

Заметив это, Цзун Тинлин слегка нахмурился, и в его голосе прозвучало легкое раздражение:

— Вставай. Все люди возле меня отобраны с особой тщательностью, языки у них за зубами — секрет твой никто не выдаст. А если кто-то посмеет болтать лишнего, я позабочусь, чтобы от него и следа не осталось.

Тун Цзыгэ слегка задрожал, помедлил пару секунд и в конце концов медленно поднялся на ноги.

Его тело оставалось напряженным, как натянутая тетива лука. Закусив губу, он сдерживал подступающие к глазам слезы, стараясь не дать им пролиться.

Под взглядом Цзун Тинлина ему оставалось лишь позволить слугам мягкими полотенцами обсушить его тело. Прикосновения были невесомыми, но от каждого из них Тун Цзыгэ вздрагивал всем существом.

Дрожащими пальцами он взял белые шелковые одежды. Материя была невероятно гладкой и мягкой, поблескивая в отблесках света нежным сиянием, но она не могла успокоить трепет в его груди.

Медленно одеваясь, он совершал каждое движение с тяжелой заторможенностью, словно на плечах у него лежало коромысло с тысячью цзиней груза.

Стоило ему облачиться в одежды, как слуги бесшумно удалились, и в комнате воцарилась тишина — столь глубокая, что было слышно лишь его собственное сбивчивое дыхание.

Стоя неподвижно, он снова невольно съежился от напряжения, чувствуя себя олененком, зажатым в кольцо охотников, испуганным до глубины души.

Цзун Тинлин лениво полулежал на тахте, скользнув взглядом по Тун Цзыгэ.

Белые одежды насквозь промокли от воды, неотступно облепляя тело и смутно очерчивая его изгибы.

Ниже поясицы у Тун Цзыгэ темнела крошечная красная родинка. В полумраке ночи ее почти не было видно, но сейчас при ярком свете это яркое пятнышко выглядело донельзя соблазнительно и притягательно.

Закинув ногу на ногу, Цзун Тинлин несильно ткнул пальцем прямо в ту точку, наслаждаясь тем, как юноша снова забился в мелкой дрожи.

На его губах заиграла полуусмешка, а в голосе прорезались насмешливые нотки:

— Не в первый же раз, чего ты опять так нервничаешь?

<http://bllate.org/book/22353/2342718>